

Ольга Бородина:

Известия. — 1997. — 26 сент. — с. 7

«Охота к перемене мест пока не стала охотой пуще неволи»

22 сентября в Большом зале Московской Консерватории выступила солистка Мариинского театра Ольга Бородина. Только что она пела на родине Моцарта — в Зальцбурге, и вот уже из Москвы отправилась прямо в Амстердам. В сентябре ее слышали в Бразилии в Сан-Паулу, в Лондоне...

С голосом от Бога и обворожительной внешностью, Ольга Бородина возникла на нашей музыкальной сцене всего десять лет назад, получив также с неизвестным тогда Дмитрием Хворостовским первое место на вокальном конкурсе имени Глинки. С тех пор они дружат и поют по всему свету. А тогда ей предложили Большой театр, но она то ли смутилась, то ли смотрела далеко вперед... Ирина Константиновна Архипова, бессменный президент конкурса Глинки, взяла ее с собой в Нью-Йорк: не числившуюся нигде «в штате» певицу сразу же окрестили звездой.

Наш обозреватель встретился с Ольгой Бородиной. Беседа шла при упакованных чемоданах.

рать маленькую пьесу, передать, что я чувствую вместе с композитором, с поэтом. Несколько состояний за короткий отрезок времени...

— Вернемся, однако, к «летающему артисту». Организм современного человека вполне выдерживает перелет в два-три часа. В Нью-Йорк, положим, труднее: десять часов... Есть и перегрузки психологические: калейдоскоп людей. А необходимость учить языки? Нельзя же петь, например, по-французски с русским акцентом.

— В каждом западном театре есть коуч — человек, который занимается твоим произношением, исправляет ошибки речи. Когда поешь определенный текст, а это всегда небольшой набор слов, спеть его без акцента возможно. Но в принципе вы видели иностранца, говорящего по-русски совсем без акцента?.. Так и мы за границей: только от тебя зависит, насколько ты подлинная итальянка или немка.

— Вы пели с Доминго. С дирижерами Левайн, Аббадо, Конлопом. Последний пригласил вас в концерт по случаю своего вступления в должность главного дирижера нового парижского оперного театра «Бастилия». Вы представляли Россию в Альберт-холле 12 сентября в концерте памяти принцессы Дианы. И несмотря на мировой успех, из России не уезжаете...

— Я коренная ленинградка...

— ...из артистической семьи?

— Рядом: папа был главным инженером и конструктором фабрики пианино «Красный октябрь». Там делали хорошие пианино, сохранявшие марку прославленного «Беккера». Мама тоже работала там. Папа, самоучка, прекрасно играл, с детства я была окружена музыкой. Пела в хоре. Окончила Ленинградскую консерваторию. Сын учится в хоровом училище: голос переходного возраста...

— Когда вы в поездке, с кем он?

— С мамой. Боюсь, других подробностей нет. Репетиции, перелеты, спектакли. Перелеты, спектакли, репетиции...

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».

— Аплодисменты в Большом зале нарастают по мере приближения к финалу. Бизе и Сен-Санс были спеты «на бис» превосходно. Так что ваше первое выступление в Москве можно считать просто замечательным.

— Строго говоря, это было не первое выступление в Москве. В 1987 году после конкурса Глинки я пела в гала-концерте в Большом. Затем Мариинский театр показывал «Ромео и Юлию» в Москве, в Консерватории. А в прошлом году мы участвовали в инаугурации президента на Васильевском спуске.

— Но сольный концерт первый, так? В пятницу, когда выйдет этот номер, вы будете уже в Роттердаме, где сейчас проходит ставший традиционным «Гергиев-фестиваль»...

—...и где я спою в музыкальной драме «Осуждение Фауста» Берлиоза. Со мной будут коллеги из Мариинки, в частности, баритон Путилин, бас Александрин. Будучи главным приглашенным дирижером Роттердамского симфонического оркестра, Гергиев поставил непременное условие — обязательное участие в его концертах артистов из Мариинского.

— Кстати, вы коллега Гергиева. Как вы отнеслись к его пятилетнему контракту с «Метрополитен-Опера» и к упрекам за это в его адрес?

— Само приглашение в «Мет» почетно. Валерию Абисаловичу

предстоит там действительно творческая работа, поскольку весь театральный процесс там налажен как нельзя лучше. Дирижировать 40 дней в году для Гергиева вовсе не сложно, его функция — провести несколько репетиций и стать за пультом на спектакле. Он и раньше проводил в «Мет», наверное, дней 30, а теперь будет 40... Почетно и то, что должность главного приглашенного дирижера введена в «Мет» специально для него, ее раньше не было. С ней он получил и право дирижировать теми спектаклями, какими хочет, и с теми артистами, которых сам назовет. Наконец, в таких делах многое зависит от индивидуальности человека. Гергиев неутомим, он может работать по 16 часов, не сходя с пульта, его физическая форма сейчас наилучшая, грех это не использовать.

— Сегодня к работе наших мастеров за рубежом относятся по-спокойнее: еще недавно в самом этом факте видели лишь меркантильную сторону.

— Да, но будем ханжами. Но стремление петь за рубежом имеет не только гонорарную подоплеку. Я еду петь в Роттердам потому, что мне хорошо заплатят. Но еще и потому, что обещала Гергиеву. И потому, что очень люблю музыку Берлиоза, которая у нас звучит редко, люблю «Осуждение Фауста», которое у нас совсем не звучит. И, представьте, есть потребность петь перед новым зрителем.

— Но, наверное, «охота к пере-

мене мест» порой оборачивается «охотой пуще неволи»? Это ведь не просто для здоровья, для голова...

— А что в жизни артиста просто?..

— Но вот вы приезжаете в новый город. Вы не знаете зала, публики...

— В залах, где я пою, публика в основном предсказуемая. Особенно на Западе, где билеты иногда стоят баснословно дорого и покупают их те, для кого музыка действительно значит много. Но и там публика далеко не всегда разбирается в том, что ей преподносят, факт громкого пения порой означает для нее больше, чем творче-

ство. Я стремлюсь прежде всего сама убедиться в том, что у меня по-лучи-лось. В публике все равно будут разные мнения, довольно часто понятие об успехе у меня и у публики или у ее части расходится.

— Вы поете за рубежом в основном те партии, которые не удаются спеть дома?

— К сожалению, репертуар меццо-сопрано (моего голоса) в мировой опере вообще невелик. Я пою в Нью-Йорке в «Самсоне и Давиде», в «Аиде», готовлю «Кармен». В «Ковент-Гардене» я пою «Золушку» Россини, которая шла в Петербурге уже не помнят когда. Ну, и в «Осуждении Фауста» — дивная му-

зыка... У нас же для меццо-сопрано остаются лишь «Хованщина» и «Борис Годунов».

— Да, трудная судьба у меццо-сопрано... Поэтому вы столько внимания уделяли в московском сольном концерте романсу Чайковский и «Песни и пляски смерти» Мусоргского — сложнейшая программа.

— Артисту надо развиваться. В опере легче — там помогают оркестр, партнер, мизансцена, костюмы, сквозной сюжет. А романс — целая жизнь за две-три минуты. Каждый раз новый сюжет, другие переживания. Своя драма. В романсе невозможно только показать голос, «прокричать» — надо сыг-